

Семен Ефимович Десницкий

Семен Ефимович Десницкий (ок. 1740–1789) — российский ученый, автор работ в области права, социологии и экономики, ординарный профессор юриспруденции Московского университета, член Российской академии. Родился в городе Нежин, окончил духовную семинарию Троицкой лавры. Учился в Московском университете, в 1761 г. был направлен вместе с И. А. Третьяковым в университет Глазго (Шотландия), где получил ученую степень магистра, а затем доктора права. В 1768–1787 гг. преподавал в Московском университете, был первым русским профессором права. В курсе римского и российского права в разделе «О благоустроении гражданском» Десницкий освещал экономические проблемы развития мануфактурной промышленности, торговли, сельского хозяйства, денег, кредита, государственного бюджета, налогов. В апреле 1781 г. выступил в университете с одной из самых известных своих речей — «Юридическим рассуждением о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества в различных состояниях общежителъства». В этой работе им была выдвинута теория эволюции права собственности в «четырех состояниях рода человеческого»: звероловческом и собирательном, скотоводческом, хлебопашеском и коммерческом.

ЮРИДИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ О РАЗНЫХ ПОНЯТИЯХ, КАКИЕ ИМЕЮТ НАРОДЫ О СОБСТВЕННОСТИ ИМУЩЕСТВА В РАЗЛИЧНЫХ СОСТОЯНИЯХ ОБЩЕЖИТЕЛЪСТВА, ГОВОРЕННОЕ АПРЕЛЯ 21 ДНЯ 1781 ГОДА*

Когда мы рассуждаем исторически и философски о различных преуспева-
ниях рода человеческого в различных знаниях и понятиях вещей и когда мы,
спускаясь с превознесенного нашего состояния, проникаем в самые отдален-
нейшие от нас и кажущиеся пред нами низверженными и не восстающими на-
роды, то не находим, слушатели, сего умозрительного народов созерцания для
нас удивительнее, приятнее и полезнее. Ибо если мысленно себе представим
испещряющегося искусством галла¹, сокровиществующего богатством батава²
и пролетающего небеса, моря и земли и своих Невтонах и Ансонах³ британца;
и если сравним сих, возносящихся толь несравненным своим состоянием на-
родов с камчадалами, готтентотами и обитающими в северных и южных пре-

* Напечатано впервые в типографии Московского университета в 1781 г., откуда воспроизводится в настоящем издании в сокращенном виде (опущены хвалебная часть вступления и заключение). Перепечатано затем в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами оного» (ч. IV, М., 1823. С. 367–398).

делах народами, которым в наследие глад и хлад или и один токмо палящий зной природа оставила и на которых еще ни благодати божией, ни учения человеческого свет не воссиял, то сколь чудным, сколь удивительным и сколь приятным и научительным нашему взору представляется такое исследование рода человеческого, а особливо если к оному присовокупим еще и оное прежде бывших преславнейших народов воспоминание, в котором римлянина, поражавшего тьмы галлов и германцев⁴, и грека, некогда покорявшего все страны Асийские⁵, ныне лишь только одно имя у нас отзывается.

Сии толь чувствительные, прискорбные и чудные перемены рода человеческого многих уже великодушных и мужественных испытателей природы заставляли думать, что нет в наших ни рассуждениях, ни в испытаниях доказательных оснований, по которым бы можно сию вселенную утверждать вечною, не прменяемою или вреду какому не подверженною. Непрестанное, говорят они, и порывчивое движение всей видимой нами атмосферной материи, стремительные земли обращения, за которыми все части колеблются, примечаемые на небе перемены, простые к тому ж знаки не меньше, как и самые исторические предания Всемирного потопа или повсемственного стихий восколебания, — все сии приключения свету доказывают смертность мира сего и его видимое с одного состояния в другое переходение. Из таких наблюдений великими испытателями природы заключения нередко выводимы были уже и такие, что свет сей должен иметь свое отрочество, юность, мужество и престарелость так, как и свои, из которых состоит, не секомые и далее не разделяемые части⁶. И весьма уповательно, что человек, равномерно как и все животные и растущие на земле вещи, из всех таких всеобщих свету перемен исключен быть не может. В цветущем мира состоянии, может быть, род человеческий имел большую крепость в душе и теле, вожделеннейшее здравие, долговременнейшую жизнь и большую склонность и силу к порождению; однако если повсемственный порядок вещей и обществ человеческих течение имеют такие степенно восходящие и нисходящие обращения, то их весьма нескоро можно приметить и отличить в столь кратком веке, каков в летописях и преданиях начинается жизни человеческой. Возраст и крепость тела, долготы жизни, острота и пространство разума доказываются нам и во всех почти веках бывшими природными роду человеческому. И в таком нашем мнении о сем уверяют нас те самые искусства и науки, кои заподлинно процветали в одни веки и в другие упали; и хотя они при таких своих переменах и повсемственно исчезали в одном народе, однако в последовавших за оным других народах паки возникли и размножились по всему почти свету. Итак, сколько нам известно и сколь далеко чинимые нами о сем наблюдения могут простираться, то мы не можем еще приметить никакого ущерба в естестве человеческом и потому не можем и измерять различные рода человеческого преуспевания, возвышения и низвержения по оным приписываемым свету отрочествам, юностям, мужествам и престарелостям, по которым, как утверждает великий философ и историк аглинский [*Л. Гюм* в философических и политических сочинениях], вотще принимался исследывать многолюдство древних и малолюдство нынешних народов излишествующий в своих о сем писаниях Воссий.

Но, к счастью наших времен, новейшими и рачительнейшими испытателями природы человеческий открыты нам несравненно ближайшия средства к исследованию народов в различных преуспеяниях по таким обстоятельствам и состояниям, по которым они, начинаясь от первобытного своего общежития со зверьми, восходили до высочайшей степени величества и просвещения. Таковых состояний роду человеческому полагали и древние писатели четыре, из которых первобытным почитается *состояние* народов, живущих *ловлею* зверей и питающихся *плодами саморождающимися* на земле; вторым — *состояние* народов, живущих скотоводством, или *пастушеское*; третьим — *хлебопашественное*; четвертым и последним — *коммерческое*. По сим состояниям преславнейшия писатели римские Юлий Цезарь, Тацит и Саллюстий измеряли различные преуспеяния не токмо своего народа, но и других премногих [примечание по-латыни опущено], и по их всеобщему описанию доказывается кратко, ясно и неоспоримо: «Что первобытные везде народы, кои от греческого языка и на латинском прозваны *aborigines*, были грубые, дикие и непросвещенные; в ловле диких зверей и в собирании плодов, кои земля без удобрения рождала, всю жизнь препровождали; из зверских кож их одеяния, и из пещер земных их дома были; и не долго такие народы на одних местах пребывали, но по всем неутвержденным жилищам скитались без всяких законов, без правительства, свободны и распутны. Некоторые из сих, будучи между собою в соседстве, иногда добровольно, а иногда и по принуждению, для удобнейшего пропитания и для отражения всеобщих себе неприятелей, в общежитие сошлись и семейства у себя и селения завели, в котором соединении нужда научила их хлебопашеству и ограждению себя стенами для защищения от неприятелей. После чего законы, права и правительства у них начали происходить. Таким образом сошедшимся в общежитие народам надобно было некоторыми природными правами поступиться, а особливо когда необходимость того требовала, чтобы и частных людей силы соединяемы были с силами общества для отражения всеобщего неприятеля. Но и при сем теснейшем соединении первобытные народы упорно за собою удерживали свои персональные права и природную вольность и не прежде, как по прошествии долговременности, оными поступились правительству. От сего обстоятельства и самые первоначальные обществ народных правительства примечаются столько слабыми и неустроенными, что в оных судьи, кроме медиаторской или посредственнической, никакой другой почти силы, ни власти над частными людьми имеющими не доказываются»⁷.

Такое происхождение и возвышение обществ человеческих есть сродно всем первоначальным народам, и по оным четверояким народов состояниям мы должны выводить их историю, правление, законы и обычаи и измерять их различные преуспеяния в науках и искусствах. Сими восхождениями достигал римлянин до необъемлемыя империи, и подобными сим достижениями превзошли римляне нынешние европейские народы и на развалинах их империи, как уверяет г. Робертсон, утвердили свои несравненно просвещеннейшия науки и обогащенные искусствами державы.

При сем воспоминании и сравнении народов возрите, превознесенные под благословенную державою Екатерины российские потомки, на своих отдаленнейших предков и при всерадостнейшем торжестве рожденныя ныне на про-

свешение и преуспевание толиких народов монархини вспомните, от каких малых начатков происходили российские первобытные народы aborigines и до колликого ныне они достигли величества, славы и могущества!..

Итак, сообразуясь высочайшим намерениям великой предводительницы просвещения и преуспевания народного, елико времени и вашей благосклонной, п[отченнейшие] с[лушатели], терпеливости достанет, краткое предложить намерен *рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имени в различных состояниях общежителства.*

Собственность по самому высочайшему понятию нынешних просвещеннейших народов заключает в себе:

1. Право употреблять свою вещь по произволению.
2. Право взыскивать свою вещь от всякого, завладевшего оною неправедно.
3. Право отчуждать свою вещь, кому кто хочет, при жизни и по смерти.

Каким образом разные народы и в различных состояниях натурально и постепенно достигают до понятия сего права собственности, о том теперь следует рассуждение.

I. СОСТОЯНИЕ НАРОДОВ, ЖИВУЩИХ ЛОВЛЕЮ ЖИВОТНЫХ И ПИТАЮЩИХСЯ ПЛОДАМИ, САМОРОЖДАЮЩИМИСЯ НА ЗЕМЛЕ

1. Когда человек честным образом овладеет какою вещию, то чрез такое овладение он делается к ней паче прочих пристрастнейшим и приобретает чрез то ошутительное ожидание к беспрепятственному употреблению завладенной им вещи. Вследствие такого пристрастия и натурального ожидания, рождающегося в человеке к овладению вещи [Г. Блэкстон⁸, коего сочинения ныне и на российский язык переводятся, утверждает из священного писания, что по оному слову божию: «раститесь, множитесь и наполняйте землю, и обладайте ею» (Бытия, кн. 1, гл. 1, с. 28), живущий на свете сем человек только может и собственности иметь над внешними вещьми. Но как о сем толь важном предмете имеются у разных аглинских, равномерно как и у других европейских писателей, новейшие рассуждения, того ради таковых мнения и я вознамерился здесь подробнее исследовать], и мы, посторонние зрители, почитаем лишение такой вещи несносным для человека, а особливо, когда он лишается ее насилем и обманом другого человека, ибо мы взираем на всякое такого роду покушение и посягательство не иначе, как на самое величайшее бесчеловечие и внутренно чувствуем себя расположенными к наказанию такого злодея и к прекращению таких пороков в обществе. При таком неправедном похищении вещи, приобретенной честным образом, нам представляются обстоятельства похитителя и владателя совсем несходственными, в которых владеющий вещию кажется нам имеющим несравненно большую связь с оною, нежели другой, похищающий се; и владатель нам представляется больше претерпевающим от лишения своей вещи, нежели похититель, когда он правосудием принуждается быть без нее.

От сего пристрастия и ожидания, какое мы получаем при завладении вещи, рождается у нас самопростейшее и первое понятие о собственности, и в силу оного мы почитаем, что лишать человека владения или препятствовать ему

в употреблении своя вещь есть явное беззаконие и что владеющий оною имеет право употреблять ее по своему произволению и исключать прочих всех от владения и употребления своя вещи.

Но в первобытные времена и в первоначальном естественном состоянии, когда народы получают главнейшее пропитание ловлею диких зверей и собираемых плодов саморождаемых на земле, мы не видим такого ясного понятия о собственности, какое ныне примечается установленным между народами просвещеннейшими. Ибо когда люди живут в сем первоначальном состоянии и получают все свое прокормление от ловли зверей в воде и на земле, тогда они не имеют довольного случая к приобретению великого понятия о собственности, потому что, будучи незнающими, каким образом сохранять пищу от нетления, они никогда и не помышляют о скоплении оной в великом количестве на будущее время. В таком состоянии и обрабатывание земли бывает мало им известно и внимательно; но как скоро народы узнают питательнейшую пищу, приготавливаемую из животных, то они и предпочитают оную пище, приготавливаемой из растений, поколику первая вкуснейшею представляется диким народам, нежели последняя. По сей причине редко случается у таких народов, чтоб они прилагали старание к великому и собиранию плодов земных на пищу. Сверх сего, и самое одяние у диких народов бывает весьма простое и немногое и состоящее по их климату из кож животных и рубищ самопростейших. Здания же, в коих дикие народы укрываются от зноя и от стужи, состоят в самопростейших хижинах, пещерах и вертепах, сделанных природою или и немногим искусством и трудом человеческим. Ниже притом такие у них жилища снабжены великим множеством сосудов, орудий и приборов домашних по той причине, что у них никакого к тому изобретения и искусства не имеется, и орудия их самонужнейшими почитаемые суть те, которые необходимо нужны на уловление и приготовление зверей в пищу.

Сии сами собою простые и немногие вещи составляют всю собственность имения у народов, живущих ловлею зверей и питающихся плодами саморождаемыми на земле. А поколику они имеют весьма немногие и недрагоценные у себя во владении вещи, того ради и собственность сих редко у них бывает подвержена татьбе и похищению. Ниже при том и находящиеся у них вещи пребывают в долговременном их владении, ибо, когда живущий в таком состоянии человек убьет или поймает какого дикого зверя, то он тотчас его съедает или приносит в дом на скорейшее съедение своим домашним. Следовательно, в толь краткое время владения он не имеет случая пристраститься к такой вещи больше других людей и, употребив немного труда при завладении вещи, он малочувствует и несправедливости в похищении оной другими людьми у него.

Сверх сего, и то надобно примечать, что у народов, живущих ловлею зверей, и самое употребление вещей бывает по большей части нераздельное и общее всем. Ибо как они живут все в одной хижине или пещере, то оных жилищ имеют совокупное и нераздельное владение и употребление; и как они едят все вместе, то их и съестные припасы бывают всем общи, а по недостатку даже и самые одяния у них, точно как и у наших крестьян, бывают носимы и обоим полом одинакие и нераздельные.

Итак, когда у народов, живущих ловлею зверей и питающихся плодами саморождающимися на земле, не имеется в вещах раздельного владения, то им и различие того, что *твое* и *мое*, весьма мало вразумительно. Сходственно с сим заключением, когда Колумб впервые прибыл к американцам, то они испанцам невозбранно дозволяли брать и употреблять у себя все, что ни было у них; но когда американцы равным образом стали брать у испанцев, что им нравилось, и встречены были с явным отказом им во всем, то они такому испанскому с ними поступку не могли довольно надивиться и почли такое обхождение крайне странным и неслыханным прежде в их отечестве (*смотри Путешествие Колумба, гл. 2, стр. 44, на аглинском*).

2. А поколику народы, живущие ловлею зверей, не имеют довольно ясного понятия о праве собственности к употреблению вещи раздельному и особенному каждого человека, то они еще и меньше имеют понятия о праве взыскивать свою вещь от всякого, завладевшего оною по потере и похищении, ибо сия вторая часть права собственности им еще и паче невразумительною бывает потому, что оное ожидание к беспрепятственному употреблению владения вещи у таких народов весьма умалывается и почти исчезает, пак скоро вещь и соединенное с нею владение теряется. Сие примечание весьма прилагательным может быть у таких народов во всех их движимых вещах, в каковых у них и все почти имение состоит. Ибо когда у питающегося ловлею животных человека пойманный зверь уйдет, то надежда у него к сысканию ушедшего зверя натурально прекращается, как скоро из рук его животное вырвется. Равным образом, когда такой человек потеряет владение и движимой какой вещи, то его надежда к отысканию и употреблению оной скоро умалывается; и нашедшие оную его товарищи нимало не сочтут за обиду потерявшему прибрать такую вещь себе и употребить в свою пользу, потому что у таких народов владения не утверждены и не защищаемы бывают ни правительством, ни законами. Итак, у всех первоначальных народов, имеющих во владении одни только движимые вещи, *право собственности* примечается совсем нераздельное с владением, то есть продолжающееся только, пока вещь во владении имеется; и такое понятие о праве собственности приметил уже и французский путешественник Шарлевуа народов северных американских, у которых, по примечанию сего писателя, всякая вещь, хотя бы и на малейшее время потеряна была, невозвратно становится во владении нашедшего оную; и сие он доказывает нижеследующим случаем: «Некоторая американская старуха, имеючи только и пожитков, что одно ожерелье, ценою до 10 французских эку, около 11 рублей с четвертью, которое она в работное время на поле принуждена была повесить на дереве; что приметя другая женщина, как скоро удалилась хозяйка, прибежала к дереву и, похитив сумку, вскричала, сколь счастливо ей удалось найти такую драгоценную вещь! Бедная старуха, взглянув на свою вещь, тут же говорила, что она была ее, что она ее повесила тамо и не потеряла, не позабыла, и хотела снять, идучи домой. Во многом споре между сими двумя женщинами, у которых, однакож, никаких укоризненных слов в воровстве по происходило, дело дошло до начальника деревни, который по рассмотрении всего говорил, что по сущей правде найденная вещь принадлежит тому, кто нашел; но если нашедшая сумку женщина не хочет прослыть корыстолюбивою, то она должна

возвратить ее взыскивающей старухе и быть довольною некоторым за то подарком, который старуха ей по совести обязуется дать».

Такого неразрывного права собственности со владением и теряемого с потерянной владеемой вещи много примечается происходящего от сих обстоятельств и продолжавшегося и в законоположениях таких народов, кои уже и просвещенными почитались, а именно: по старинным законам римским, когда человек закладывал свою вещь за долг, то собственность закладываемой вещи всегда предполагаема была в законе приносимо заимодавцу, который оную собственность возвращать по уплате долгу закладчику обязывался и контрактом. По сей самой причине и по тем же старинным законам римским, если человек отдавал вещи другому по обещанию, исторгнутому насилеи, то он уже не почитался владельцем исторгнутых таким образом у него вещей, и имел *персональную челобитную*⁹ на претерпенные чрез то убытки, которая челобитная (*actio metus causa*) у римлян и подаваема была в случае исторгнутых страхом или насилеи вещей лишь только на одного похитителя, а до других, перекупивших оную, не простиралась, до которых она распространена была гораздо после и переименована *персонально-вещественною челобитною* (*actio personalis sed in rem scripta*). Подобное ж понятие о собственности примечается бывшим и у всех древних германцев, у которых по старинным законам, если человек давал свои вещи на время, то потерянных не мог вещественною челобитною отыскивать у другого, завладевшего оными несправедливо. Сие обыкновение, как утверждает Гейнекций, и поныне почитается законом в Любеке, Гамбурге, Пруссии, Швеции и Голландии (*Heineccii ad tit. d. de rei vindicat*) [*Гейнекций, глава о законах востребования по иску вещей из его труда «История гражданского права римлян и германцев»*].

3. В заглавии сего рассуждения у нас было сказано, что по самому высочайшему народов понятию о собственности, владеющий вещию человек имеет право и отчуждать оную всяческим образом при жизни и по смерти. Сие право собственности рождается в человеке от прежде описанного права, но которому он имеет власть и к употреблению владеемой вещи по своему произволению. Ибо если в воле хозяина состоит истреблять свою вещь употреблением, то он может и бросить и поступиться оною кому хочет; оставленную и отказанною таким образом от него вещию может другой овладеть точно так, как бы она и никогда первому не принадлежала. Из сего натуральное следует заключение, что овладевший вещию по отчуждению хозяин имеет такое же право употреблять оную по произволению, какое имел и отчуждивший ее хозяин. Ибо возымевши над отчужденною вещию равномерную власть, он может равномерно ее и употреблять по произволению и, получив ее честным образом и по добровольной уступке, он не имеет и причины сомневаться, чтобы такое завладение вещи могло причинять прежнему хозяину оной или другому кому-нибудь какое-либо беспокойство и досаду. Сим уравнительным одного права с другим мы снискиваем понятие и о последнем, третьем, праве, по которому владеющий вещию уполномочивается отчуждать оную добровольно при жизни и по смерти.

Но сколь бы сего права происхождение ни было ясно и вразумительно для нас, однако оному ни малейшего уважения не делается у непросвещенных, а особливо у живущих ловлею зверей народов, по той причине, что у них мало

бывает и случая к отчуждению вещей в таком бедственном и недостаточном состоянии, в котором они, не имея никаких художеств, не имеют для продажи и обмена никаких и вещей. У таких народов рукоделия бывают весьма простые и немногие, и потому всеми частными семействами везде и производятся не с излишеством, но сколько надобно для себя самих. Почему у таких народов коммерции или мены вещей никакой почти не примечается; и для того живущие в сем состоянии народы не могут иметь понятия о таком праве, для употребления которого они и случая почти не имеют. Да хотя бы в таком состоянии кто и отважился отчуждать или променивать свою вещь, но одним словесным своим произволением он того сделать не может по той причине, что в таком состоянии народы бывают весьма вероломны и не соблюдающие своих обязательств и договоров. И мы видим из путешествия г. Нордена по Нилу реке, что у народов, обитающих там, в вышнем Египте, отчуждение вещей, чинимое по купле и продаже, обыкновенно разумеется не совершенным даже и тогда, когда вещь отдана бывает и заплачена, как то явствует из следующего Нордена там приключения, а именно: когда слуга его купил в тамошнем месте овцу, припаленную одним из обывателей к их судну для продажи, то по долгом и хлопотливом торговании продавец оставил овцу покупателю за два севилана¹⁰ и, взяв деньги за оную, отошел от него; но не более как чрез полчаса возвратился опять к покупателю и, отдавая ему деньги, требовал возвращения своей овцы. Огорченный покупатель таким поступком продавца не хотел нарушить своего договора, тем менее, что ему надобна была овца для пищи; но продавец упорно настоял и сделал такой крик при сем случае, что многие из его одноземцев, сбжавшись толпами, требовали непременно возвращения овцы; чего ради покупатель, дабы не дойти до великой крайности, принужден был взять деньги свои обратно и возвратить ему овцу. Но при всем том она комедия еще не кончилась, ибо продавец по немногом времени вторично пришел к нему с овцою, за которую требовал уже трех севиланов. Не рад будучи продавцу и товару такому, покупатель отогнал его прочь; но сей, приметя, что он не хотел купить у него овцу, старался упорно принудить его взять оную за первую цену, то-есть за два севилана. По многим хлопотам напоследок с обеих сторон покупателем взята была овца за один севилан и за небольшую меру хлеба, ко-его цена, однакож, была гораздо меньше севилана. В государстве, Мондиго называемом, лежащем по внутренней стране Африки между реками Серрелиона и Сенегал, обыкновением установлено дозволять человеку, продавшему что-нибудь поутру, уничтожать свой договор до захождения солнца, возвратя назад цену. Сие странное обыкновение, говорит г. Норден, великим было поводом к обманам, ибо в таком случае, если бы кто купил птицу или яйцо, то великая из того опасность следовала есть оное, не дождавшись другого дня, поколику покупатель принужден бы был заплатить за оное вдесятеро, в случае если бы он, съевши купленное, при требовании не в состоянии был возвратить назад (смотри о сем нынешнюю Универс. истор. на аглинском языке, т. 17, стр. 275)¹¹. Сия самая трудность, происходящая от недостатку понятия о праве отчуждения собственности, была причиною введения толиких форм и обрядов, кои у народов непросвещенных обыкновенно наблюдаются при всяком заключаемом обязательстве.

II. СОСТОЯНИЕ НАРОДОВ, ЖИВУЩИХ СКОТОВОДСТВОМ, ИЛИ ПАСТУШЕСКОЕ

Когда народы поправят свое состояние приучением и разведением у себя диких зверей домашними, то они натурально возвышаются и в своем понятии права, принадлежащего до собственности. В сем состоянии они владеют именьями несравненно в большем и многообразнейшем количестве, нежели народы, живущие ловлею диких зверей. Ибо, изобилуя стадами различных животных, они имеют великое приумножение имений и, будучи оными в недостатках своих удовольствованы, имеют спокойнейшую и прохладнейшую жизнь, отчего и сами они делаются расположенными больше к людскости, человечеству и к наблюдению правоты в обществе. Словом, в сем состоянии пастушеском и скотоводственном народы примечаются имеющими больше понятия о собственности потому, что в оном начинают владеть большим множеством вещей прочнейших и долговременнейших, нежели в первом состоянии; и, живучи в пастушеском состоянии прохладнее, выгоднее и в большем обществе, они бывают благосклоннейшими и обходительнейшими. Сверх сего, и самая польза, происходящая от утверждения всякому частному человеку собственности, начинает быть в сем состоянии гораздо больше известною. Ибо в сих обстоятельствах каждый начинает довольно чувствовать, что и он равным образом будет обижен, если обидимого не будет защищать.

1. Но, невзирая на все вышесказанные и благоприятствующие к утверждению собственности выгоды, есть и в сем состоянии препятствие, не дозволяющее и живущим народам скотоводством доходить до совершеннейшего понятия о праве собственности к употреблению вещей по произволению; и в достижении до такого понятия о сем праве они воспящаемы бывают по причине их совокупного и нераздельного имения, каковое у них примечается общественным в семействах и в соседствах.

Разные семейства в юртах и ордах кочующих и живущих скотоводством народов хотя и многолюднейшие бывают, однако имеют владения у себя общие и наблюдают тесное между собой общежительство. Живущие скотоводством народы часто собираются обществом и пируют вместе; их стада пасутся вместе и на общей всем земле и присматриваются совокупным надзиранием всех семейств людьми.

Таким образом живут в обществе, простирающемся в каждой юрте до трех, четырех и до пятисот обывателей, готтентоты; таким же образом живут африканские ж народы, кочующие при берегах рек Сенегала, Цестры и Серрелионы (*смотри о сем нынешнюю Универ. истор., кн. 15, стр. 498, и кн. 17, стр. 257, на аглинском*). Подобным образом, как утверждает Ксенофонт, живали в старину и спартанцы.

2. Живущие скотоводством народы еще и менее имеют понятия о праве собственности, принадлежащем к отыскиванию вещи от всякого завладевшего оною потому, что они не имеют собственности в земле и, пресмыкаясь с места на место, не могут пристраститься довольно к одному утвержденному жилищу. А поколику они еще не имеют собственности ни в чем другом, кроме как токмо в одних движимых вещах, того ради и непонятным для них представля-

ется то, чтоб их собственность оставалась ненарушимую, когда владение движимых вещей потеряется. Для сих причин у скитающихся и живущих в пастушеском состоянии народов не примечается не токмо никакой собственности в земле, но ниже и разделения оной никакого не бывает. Сходственно с сим заключением, когда Авраам патриарх вознамерился отделиться от Лота, своего родственника, тогда и говорил к нему так: «Не се ли вся земля пред тобою есть; отлучися ты от мене: аще ты налево, аз надесно; аще же ты надесно, аз налево» (Бытия, гл. 13, стр. 9). Такое понятие о праве отыскивать свои земли имели народы и в оном незлобивом и святом пастушеском состоянии, из которого довольно и ясно доказывается, что они тогда ни собственности, ни разделения в земле не присвоивали.

3. Но если живущие в пастушеском состоянии народы не имеют довольно понятия о праве отыскивания своей собственности, то они и несравненно меньше иметь должны понятия о праве отчуждения своей собственности по причине их совокупного и общественного владения, которое, как и выше сказано, единожды затвержденное у всех, не дозволяет частному человеку отчуждать своего имени ни при жизни, ни по смерти.

III. СОСТОЯНИЕ НАРОДОВ, ЖИВУЩИХ ХЛЕБОПАШЕСТВОМ

Когда народы преуспеют столько в хлебопашестве, что могут от одного получать главнейшее свое пропитание, тогда они выгоднее для себя находят поселиться на избранной ими одной земле для непремяемого жилища. От долговременного их на одном месте пребывания самая их земля делается больше удобренною; и народы, живущие на одном непремяемом жилище, больше могут запастись плодами земными и надобными орудиями для удобрения земли и снятия плодов с оныя. Сверх сего, от долговременного пребывания на одном месте и обрабатывания оного народам также открывается и та польза, что их земля способнейшею делается и для паствы скотов. В таком хлебопашественном состоянии каждый человек обрабатывает землю, прикосновенную к своему жилищу, и натурально желает получить на владение оныя исключительное и всегдашнее право собственности. А поколику и всякий обыватель имеет к тому одинаковое желание и как в таком состоянии земли довольно имеется для всех, того ради в таком приобретении не может быть и препятствия никому и немного может быть и споров в разделении земель. Следовательно, в первоначальном хлебопашественном состоянии всякий обыватель занимает для себя столько земли, сколько ему надобно и сколько он в состоянии обработать оныя; отчего у таких народов и самое количество земли примечается почти равномерным у каждого хозяина.

Итак, когда человек приложит довольно трудов к обрабатыванию особливої части земли, тогда лишить его оныя покажется всякому делом бесчеловечным и несправедливым; вследствие чего он будет всякому представляться имеющим большее, нежели другой кто, право ко снятию и употреблению плодов, которые он посеял на ней. По окончании жатвы у первоначальных хлебопашцев и вся привязанность их к земле разрушалась; но когда посева хлеба наступали, тогда

паки каждый обыватель, обрабатывая свою прежнюю землю, чувствовал к ней новую привязанность на будущий год, и чем долее кто обрабатывал одну и ту же самую часть земли, тем большее отчасу к ней чувствовал пристрастие и ожидание в беспрепятственном оныя владении и употреблении впредь. В продолжение такого прилагаемого каждым обывателями к своей земле обрабатывания, напоследок всякий хозяин получает и всегданнее право к употреблению занятой им сначала земли. Таким образом, когда народы довольно успеют в хлебопашестве, тогда они и землю начинают употреблять к различным надобностям и получают совершенное и исключительное на владение оныя право, вследствие которого и самые земли их начинают быть разделяемыми сперва между обывателями, а потом и между семействами и соседями.

При сем надобно примечать, что иногда понятие собственности, состоящей в земле, некоторым образом умножается чрез понятие собственности в движимых вещах; и хотя сие последнее понятие собственности бывает и всегда предыдущим первому, однако понятие собственности в движимых вещах не меньше иногда умножается и чрез понятие собственности, заключающейся в земле, а особливо когда такая собственность обыкновением введена бывает в употребление. Ибо если понятие права к употреблению вещи по произволению, во-первых, движимый рождается оттого, что движимая вещь по существу своему удобнее снискивается людьми, и в которых всякий в состоянии движимую вещь захватить руками и удержать оную собственными силами во владении, то от сего в человеке рождается больше пристрастия и ожидания к овладению и употреблению движимой вещи, когда вопреки земля хотя по существу своему неудобная и не объемлемая силами человеческими во владении, однако по взятому понятию от движимых вещей понятие собственности человек не меньшее приобретает и в недвижимой земле. В другом случае земля обыкновенно представляется вещию долговечнейшею и драгоценнейшею и производит в человеке большее пристрастие и ожидание к овладению и употреблению; почему человек, лишенный такой вещи несправедливо, больше представляется всем претерпевающим и обиженным. От сих обстоятельств право употреблять свою вещь по произволению, взятое от движимых вещей, сделалось напоследок понятнее и в недвижимых.

Право отчуждать свою вещь при жизни и по смерти, кому угодно, в хлебопашественном состоянии не примечается совершенным. Ибо как земля по своему существу не может быть переносима с места на место, то не может и подать первоначальным хлебопашцам понятия к отчуждению ее; однако и сие понятие, как ее отчуждать другим, натурально рождается у людей от предыдущего понятия собственности в движимых вещах, которые по своему существу ранее начинают быть отчуждаемы и переносимы другим во владение. Такое совершенство права собственности происходит от введения хлебопашества, и в сем состоянии собственность понимается совсем отделенною и отличною от владения.

IV. СОСТОЯНИЕ НАРОДОВ КОММЕРЧЕСКОЕ

Напоследок, когда хлебопашество получило довольно приращение и приведено было в некоторое совершенство, тогда художества и рукоделия начали

постепенно умножаться и в совершенство приходить. При таком первоначальном появлении художеств всякий человек занимался всеми почти искусствами, какие напоследок начали производиться особливими и нарочитыми мастерами. От сего обстоятельства получили народы несравненно совершеннейшее:

1. Понятие о праве собственности, по которому дозволяется человеку употреблять свою вещь по произволению. Сие право получает несравненно большую силу (а) от введения многих новых собственности в разных вещах, (б) оное увеличивается от преумножения в народах просвещения нравов, (с) напоследок получает оное свою большую силу от большего понятия общепольности, происходящей от утверждения собственности. Сия последняя причина, то есть общепольность утвержденной собственности, имеет свой успех и во всех выше показанных состояниях, однако больше действует в коммерческом состоянии народов.

2. Право отыскивать собственную вещь от всякого завладевшего оною несправедно человека в большее также совершенство приходит в коммерческом состоянии для вышесказанных же причин.

3. Право отчуждать свою собственность другим, по которому коммерческое состояние больше, нежели какое другое, отличается, получает свое совершенство оттого, что многие народы в сем состоянии имеют больше случаев менять и продавать свои вещи. Право отчуждать свои вещи уповательно скорее в употребление принято в тех вещах, которые человек собственным трудом сам приобретал, нежели в маестностях, принадлежащих к семейству или фамилии; отчуждение же семейственных маестностей при жизни постепенно ввело право отчуждать оные и по смерти в завещаниях [При описании состояния народов *пастушеского, хлебопашественного и коммерческого* краткость речи не позволяет столь подробно исследовать, сколько и первоначальное народов состояние. В противном случае сие рассуждение могло бы сделаться безмерно обширным, а особливо если бы к оному присовокуплено было исследование собственности феодалной европейской с уравнением притом и собственности землевладельческой российской, каковая у нас в древние времена была].

Сие посильное и прекращенное для необременения вашей, почтеннейшие слушатели, благосклонной терпеливости рассуждение я предоставляю иностраннейшему исследованию собственности по всеобщей системе юриспруденции. Начало и происхождение собственности в возвышенном состоянии народов соединено с непосредственным происхождением и самых правлений государственных, и от введения собственности в земле родились оные древние европейские баронские и маркграфские чиновательства, которые в старину равнялись и царским достоинствам и которые междоусобными враждами к благополучию народному разрушились, и на их разрушениях возникли ныне благоустроенные и процветающие державы европейские. Словом, от сего начала происходило во всех первоначальных европейских государствах фонда лито правление, о мудрости которого хотя и многие многообразно мудрствуют, однако оное в самой вещи было не иное что, как сущее правление аристократическое, состоящее из вельмож и имеющее над собой государя не полномощного. Сие феодалное и происходящее от различного введения собственности в землях правление, хотя и всем первоначинающимся государствам сродно, но

как оно по причине своих неустойств бывает подвержено великим и натуральным переменам, того ради и показание точных всему причин требует пространнейшего исследования юридического и исторического, к совершению которого откроет нам со временем и глубокая древность обстоятельнейшее сведение обо всех оных древних собственности землевладениях российских, коих число по разным послужным, местническим и окладным спискам¹² простиралось в России с лишком до пятидесяти родов. Много такой драгоценной древности у нас содержится в разных книгохранилищах, и издано уже во свет оныя немало, которая общепользность премного послужит к объяснению древней истории и политики российской...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Галл* — в данном случае француз.

² *Батав* — голландец.

³ *В своих Невтонах и Апсонах* — то есть и своих ученых и мореплавателях.

⁴ *Римлянина, поражавшего тьмы галлов и германцев.* — Имеются в виду завоевания Юлия Цезаря.

⁵ *Грека, некогда покорявшего все страны Азийские.* — Имеются в виду завоевания Александра Македонского.

⁶ По представлению автора, неразделяемыми частями являются атомы.

⁷ Десницкий использует здесь труды древнеримских историков: Саллюстия «О заговоре Катилины», Юлия Цезаря «Записки о Галльской войне», Тацита «Германия», Юстина Марка Юстиниана «Скифы», Аммиана Марнеллина «О гуннах и аланах» и др.

⁸ Сочинения Блэкстона переводил на русский язык сам Десницкий. Характерно, что Десницкий считает совершенно неудовлетворительными попытки обоснования так называемого права собственности доводами Священного Писания и указывает, что он намерен научно исследовать вопрос на основе «новейших рассуждений» ученых.

⁹ *Персональная челобитная* — судебный иск.

¹⁰ *Севилян* — старинная французская монета.

¹¹ Ученые записки, издававшиеся при Кембриджском университете в Англии.

¹³ *Местническим и окладным спискам.* — Списки земельных угодий, пожалованных в собственность лицам, занимавшим государственные должности в порядке так называемого местничества — замещения должности по признаку родовитости и знатности. Окладные списки — списки земельных угодий, розданных в счет жалования за службу.